

Е. Ю. Казакова-Апкаримова

**ПРОГРЕСС В УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
PRO ET CONTRA**

Статья исследует проблему восприятия прогресса в уральской провинции во второй половине XIX — начале XX в. Прогресс, прежде всего, связанный с приближением к науке, стал мощным культурно-мировоззренческим вызовом для провинциалов. Передовая общественность понимала, что оптимальным ответом на него является восприятие передовых достижений науки и технических инноваций при условии сохранения культурно-цивилизационных основ, базирующихся на идеалах православия.

Ключевые слова: прогресс, культура, наука, знания, Урал, провинция, регион, общественные организации, общественность.

The article examines the problem of perceiving progress in the Ural province in the second half of the 19th — early 20th century. The progress, primarily related with bringing science to society, has become a powerful cultural and ideological challenge for the provincial communities. The advanced public opinion understood that the optimal response to it is the perception of advanced scientific achievements and technical innovations, provided that the cultural and civilizational foundations based on the ideals of Orthodoxy are preserved.

Keywords: progress, culture, science, knowledge, the Urals, province, region, public organizations, public.

В пореформенное время даже в российской глубинке провинциалы стали ощущать, что XIX век, действительно, можно назвать «веком науки», «веком естествознания». Современные специалисты справедливо утверждают: «Размах научного творчества, успехи науки, особенно ее многообразные практические приложения, поражали современников. Они выглядят достаточно впечатляюще даже в наши дни, с высоты современной ступени научно-технического прогресса» [11, с. 330]. Сама идея Прогресса, заимствованная XIX столетием от предшествующего века Просвещения, предполагала ее непосредственную связь с образом Науки.

Влияние науки на экономику и быт, мировоззрение и культуру заметно меняли ее значение и роль в обществе даже на российской периферии. Так, известный «певец Урала» Д. Н. Мамин-

Сибиряк вспоминал о пореформенной эпохе: «Шестидесятые годы были отмечены даже в самой глухой провинции громадным наплывом новой, популярно-научной книги. Это было яркое знамение времени. ... Это была наивная и счастливая вера в ту науку, которая должна была объяснить все и всему научить, а сама наука заключалась в тех новых книгах, которые стояли на полочке в приисковой конторе» [9]. Писатель вспоминал свое первое знакомство с научной книгой в пятнадцатилетнем возрасте: «От нашего завода верстах в десяти были знаменитые платиновые прииски. Управителем, или по-заводски доверенным, поступил туда бывший студент Казанского университета Николай Федорыч. Мы с Костей уже бродили с ружьями по соседним горам, бывали на прииске, познакомились с новыми людьми и нашли здесь и новую книгу, и микроскоп, и совершенно новые разговоры. В приисковой конторе жил еще другой бывший студент, Александр Алексеевич, который главным образом и посвятил нас в новую веру. В конторе на полочке стояли неизвестные нам книги даже по названию. Тут были и ботанические беседы Шлейдена, и Молешот, и Фогт, и Ляйель, и много других знаменитых европейских имен. Пред нашими глазами раскрывался совершенно новый мир, необъятный и неудержимо манящий к себе светом настоящего знания и настоящей науки» [9].

Благодаря прогрессу транспорта уральцы могли приобщаться к столичной культуре. Так, воспитанницам Стахеевского епархиального женского училища неоднократно удалось посетить первопрестольную. Об одной такой поездке летом 1910 г. у них остались восторженные свидетельства. Программа экскурсии была весьма насыщенной. Им удалось, в частности, посетить известные музеи, например, художественно-промышленный музей им. Александра II при Строгановском училище, где посетительницы познакомились со стариной церковного зодчества, коллекциями художественных рисунков, дорогих вещей; особенно их заинтересовал восточный отдел, — изделия из Японии, Китая, Индии и Египта, знаменитые египетские мумии, саркофаги. Всё это богатство было собрано здесь путешественником Поповым, затратившим на это до 2 миллионов рублей. Политехнический музей также поразил

провинциалок богатством имеющихся в нем коллекций. Цель этого музея заключалась в распространении в народе прикладных знаний. «Весьма важную роль в этом деле, — делились информацией современницы, — играют популярные чтения, устраиваемые для народа в вечерние часы и по воскресеньям и пользующиеся огромной популярностью... Несколько десятков тысяч слушателей заполняют обширнейшие залы музея, превращая их в живые аудитории... Целые лабиринты многочисленнейших зал уставлены интереснейшими коллекциями, демонстрирующими пред нами отделы прикладной зоологии, физики, технический, сельскохозяйственный, архитектурный... Нужно не день, не два, а целые месяцы жить здесь, чтобы изучить всё это богатство и ориентироваться в его сокровищах. Мы рассеялись по этому лабиринту, и каждая рассматривала то, что наиболее ее интересовало. Сколько знаний, сколько света льется из этого просветительного учреждения! А сколько бедных, нищих духом уходит отсюда нравственно удовлетворенными и освещенными искрой полезного знания!» [1, с. 1284–1285].

Расширение научной деятельности и рост творческой активности ученых в пореформенное время происходили в русле широкого общественно-культурного движения. Общественность объединялась для решения поставленных исследовательских задач, собирая для этого необходимые средства. В последней четверти XIX в. за пределами столиц работало свыше двух третей научных обществ страны, делавших важные шаги в изучении фольклора, истории и археологии отдельных местностей, их природы и полезных ископаемых, хозяйственной и духовной жизни населения [11, с. 384]. Уральский регион в данном контексте не был исключением. Во второй половине XIX — начале XX в. на Урале, как и в других регионах России, появлялись, функционируя на принципах самоорганизации, самоуправления и самофинансирования, общественные организации, объединявшие передовую, прогрессивно мыслящую творческую и техническую интеллигенцию. Такие общества и кружки (большинство из которых имели оформленный, легальный характер) имелись не только в таких крупных центрах, как Пермь, Екатеринбург, Вятка, Уфа или Оренбург, но

и в других городах Урала. Так, Е. П. Пироговой удалось установить факт создания 36 научно-краеведческих обществ в Пермской губернии, возникших по инициативе преимущественно общественности, реже — по инициативе государства и земств [12].

В рассматриваемое время научно-краеведческие и культурно-просветительные общества стали заметным явлением в общественной жизни Уральского региона, они внесли значительный вклад в развитие провинциальной культуры, занимаясь популяризацией науки, устраивая лекции, выставки и иные культурные мероприятия. Именно с их деятельностью во многом связано появление на Урале музеев и общественных библиотек, открытие профессиональных учебных заведений. Общественные организации в значительной степени восполняли пробелы и недочеты государственной политики в социокультурной сфере, дополняли работу органов городского самоуправления в этой области. О существовании некоторых из этих общественных организаций знали далеко за пределами России. Общественные связи Урала (например, УОЛЕ — Уральского общества любителей естествознания) с зарубежными странами показательны с точки зрения интеграции российской периферии в мировой научно-культурный процесс [7].

Понимая важность деятельности ученых обществ в любимом Екатеринбурге, Д. Н. Мамин-Сибиряк указывал на первоначальные трудности (недостаток финансирования, известный скепсис со стороны других горожан) функционирования трех ученых обществ: УОЛЕ, отделения Императорского технического общества и отделения Общества для содействия русской торговле и промышленности. Писатель отмечал, что последние два общества лишь числились на бумаге, а УОЛЕ было весьма ограничено в средствах и существовало благодаря самоотверженной деятельности таких людей, как О. Е. Клер [10, с. 375–376].

С Онисимом Егоровичем и Модестом Онисимовичем Клерами, руководителями Уральского общества любителей естествознания поддерживал общение еще один известный краевед — В. П. Бирюков. Личностный фактор многое определял в уральской провинции. Именно благодаря энтузиазму отдельных краеведов распространялись научные знания.

Так, даже революционные потрясения 1917 г. не смогли отвлечь Владимира Павловича Бирюкова от любимого дела. Благодаря введенным в научный оборот Е. Ю. Рукосуевым дневниковым записям В. П. Бирюкова известно, что в это непростое время он работал с коллекцией и писал заметки по истории Зауралья в газету. Вечером 3 декабря 1917 г. в земской управе он прочитал доклад «О находках в курганах близ села Долговского Шадринского уезда»: «Собралось народу более 100 человек. Я говорил не совсем складно, но все-таки ладно. Самой интересной, пожалуй, частью был обмен мнениями, причем приходилось объяснять публике самые азы археологии и доказывать, что последняя, в сущности, есть такая же естественноисторическая наука, как палеонтология, ботаника и др. Как мне передавали, будто бы кто-то из публики, расходясь с доклада, говорил: “Почаще бы устраивали такие доклады”» [13, с. 22–24]. В дальнейшем по его инициативе в Шадринске велась подготовка к открытию «Научного хранилища» и первой выставки, назначенной на 27 декабря. Выставка состоялась и имела большой успех [13, с. 25].

В Перми просветительскую работу успешно вел научно-промышленный музей, устраивая экскурсии, чтение лекций, проведение выставок. Музей объединял научные силы края, его почетными членами являлись известные краеведы, такие как Ф. А. Теплоухов, Н. Н. Новокрещенных, геолог А. П. Карпинский, палеонтолог А. А. Штукенберг, географ П. И. Кротов, ботаник Н. В. Сорокин, этнограф Д. Н. Анучин [2]. Многие для музея сделал «дедушка пермского прогресса» врач П. Н. Серебренников. Современники отмечали, что не было в Перми ни одного важного общественного дела, ни одной общественной организации, «преследующей те или иные цели культуры и прогресса», в которых этот энтузиаст не являлся бы «инициатором или самым деятельным сотрудником». Благодаря таким «людям с молоточками» (чеховское выражение), «русская провинция стряхнула с себя чары тяжелого сна и постыдного индифферентизма» [8, с. 14. 19].

В сознании современников научно-технический и социокультурный прогресс ассоциировался с европеизацией. Так, ссылаясь на пример Екатеринбурга, Д. Н. Мамин-Сибиряк утверждал, что

«и в далекой провинции можно жить по-европейски»; с каждым годом в горнозаводской столице Урала, по его словам, увеличивался контингент людей, которые могут составлять «общество» в полном смысле этого слова. В пореформенный и последующий периоды произошли важные изменения в жизни уральской провинции. Писатель отмечал: «Провинция перестает быть той глушью, которая еще так недавно пугала всякого живого человека, почему-нибудь принужденного расстаться с жизнью в столице, тем более, что усовершенствованные пути сообщения все более и более сближают окраины с центром. В недалеком прошедшем все мало-мальски выдающееся из-под общего уровня неизбежно стягивалось в столицы, теперь всякая провинциальная сила найдет себе приложение на месте, если она действительно “сила”, а не “пустоцвет”» [10, с. 375–376].

Техническая интеллигенция края находила «приложение» своим силам в научно-технических обществах, например, в Обществе уральских горных техников, открытом в Екатеринбурге в начале XX в. Как и другие научно-технические общества, оно издавало свой технический журнал «Уральский техник». Т. Г. Шумкина справедливо подчеркивает значение этого многоотраслевого печатного издания, выполнявшего информационную, исследовательскую и просветительскую функции, а также его роль в процессах консолидации и профессионализации технических кадров Урала. «Уральский техник» активно пропагандировал новейшие достижения науки и техники, так, предметом особого внимания журнала стал мартеновский способ передела чугуна в железо и сталь, который в конце XIX — начале XX вв. на Урале пришел на смену кричному и пудлинговому способам. Будучи научно-технической и профессиональной организацией, Общество уральских горных техников проявляло интерес к работе различных технических съездов и съездов промышленников горнозаводского Урала [15].

Е. Ю. Рукосуев, исследуя историю существования съездов горнопромышленников и золотопромышленников на Урале в конце XIX — начале XX в., приходит к выводам о формировании элементов гражданского общества — возможно, и не такого быстрого, как хотелось бы современникам: «Общественные организации

оказывали воздействие на развитие экономики, способствовали рационализации методов хозяйствования, профессионализации, распространению научных знаний и культуры в обществе. Однако эти процессы в общественной и политической сферах, как и в области социально-экономических отношений, имели незавершенный характер». Исследователь скрупулезно изучил через историю деятельности съездов горнопромышленников и золотопромышленников на Урале условия формирования новой модели экономического развития, основанной на коренном технико-технологическом перевооружении металлургии и всей уральской горнозаводской промышленности, на полной перестройке ее организационно-экономической структуры. Ученый убедительно показал, что представительные организации предпринимателей являлись важнейшим звеном в системе прямой и обратной связи между капиталом и правительством [14].

Деревня значительно медленнее и труднее воспринимала новые знания и инновации. Знакомство с периодикой того времени показывает обилие примеров того, как трудно прививались те или иные передовые явления и знания, здесь были примеры и неудач, и попятного движения или топтания на месте. Так, один современник, горячо откликаясь на опыт другого провинциала, писал: «Я долго раздумывал о причинах неуспешности всех благих начинаний автора, тем более, что и самому мне пришлось пережить подобные „дефекты“: и я кое-что начинал делать, пробовал плыть на своем челноке благих начинаний в сторону лучших интересов, но каждый раз мой челнок встречал на своем пути те или другие препятствия и все я оказывался на мели „сидящим“».

Вступая в полемику о причинах и неудачах тех или иных прогрессивных начинаний, готовности или неготовности крестьян воспринимать нововведения, автор газетной статьи задавал вопрос, полагая, что ответ надо искать у таких наших писателей, как Ф. М. Достоевский: «Слов нет, мы, русские, привыкли брать широко, но неужели только потому мы и терпим крах, что не умеем взять поуже?». Далее автор повествовал о своем неудачном опыте на должности земского агронома, делился трудностями работы учителем в одной из «глухих школ медвежьего захолустья», а их

было немало. Так, ему пришлось убедиться, «что с крестьянином у меня мало осталось общего: семилетнее пребывание в агрономических школах ... поселили во мне духовную рознь с деревней...». Проводя в школе вечерние занятия для взрослых (беседы по улучшению сельского хозяйства в целом и, в частности, по садоводству и огородничеству), ему удалось, однако, найти общий язык с крестьянами, школа сближала их «на почве практических знаний, необходимых в крестьянском быту».

При этом, однако, современника не покидали сомнения духовно-мировоззренческого плана, связанные с противопоставлением духовного и материального начал. Ход его мыслей был следующим: «Крестьянин кое-что поймет из моих лекций, попробует ввести рациональные способы обработки земли, научится искусственному травосеянию и через то будет иметь лишних 50 пудов хлеба в год, а от введения искусственного травосеяния — увеличится количество корма для скота и, значит, вместо одной коровы крестьянин будет иметь возможность держать двух коров или лошадей, через что увеличится количество навоза, — будет ежегодно удобряться большая площадь земли и в конце концов бюджет крестьянина может увеличиться на 100–150 рублей больше прежнего». «Материальная польза очевидна, — ставит он важный для себя вопрос, — но будет ли крестьянину лучше от этого в моральном отношении?» [3, с. 5]. Далее современник размышлял, что с подъемом крестьянского благосостояния возрастут и его потребности, крестьянин пожелает «кирпичный» чай заменить «фамильным», жестяной самовар — медным, лапти — лакированными сапогами, простую телегу — тарантасом, сарафан жены — платьем, захочет приобрести часы и калоши. Очевидец указывал на некоторые преимущества традиционного уклада и привычного быта: «Теперь крестьянин ходит в лаптях, в сермяжном армяке, баба в самотканом сарафане, но в семье их царит мир, патриархальность; успехи и не успехи они приписывают Промыслу Божию и, так или иначе, нравственно удовлетворены».

Сравнивая крестьян с «фабричным и подгородным» населением, имеющим более высокие заработки, а, соответственно, и несколько иные потребности, очевидец критиковал такие явления в их среде,

как «франтовство, пьянство, дикий разгул, разврат», а также недостаток семейного согласия и живой веры в Бога. Современник приходит к выводу о необходимости сохранения традиционных духовных идеалов: «Не лучше ли учить народ довольствоваться малым и жить в простоте души по старине, патриархально? Но, нет, подобное мое суждение назовут нелепым. Значит, надо вести народ по пути экономического и политического прогресса и, в то же время, нужно, чтобы народ и нравственно прогрессировал, чтоб он был благочестив в лучшем смысле сего слова...» [3, с. 6–7]. Сам автор газетной статьи прошел жизненный путь от агронома и учителя до священника [3, с. 8]. Показательно, что его размышления оказались созвучны мыслям другого современника, сославшегося на Г. Спенсера: «Хотя передовые идеи, установившись раз, влияют на общество и содействуют его дальнейшему прогрессу, но установление таких идей зависит все-таки от подготовленности общества к их восприятию. Народный характер и социальное состояние определяют, какие идеи должны получить ход в обществе, а не идеи определяют социальное состояние и народный характер» [5, с. 432].

Вопрос сохранения самобытных культурно-цивилизационных основ в условиях ухудшения морально-нравственного состояния общества, усиления в нем негативных социальных явлений горячо волновал местное духовенство, что было типично и для других регионов России. В заметке с показательным названием «Заботы о поднятии нравов» говорилось о соответствующих особенностях новой эпохи и примере борьбы Новгородского епархиального начальства с печальными явлениями современной жизни, такими как «утрата строгости быта личной, семейной и общественной жизни», что было актуально и для Уральского края. С распушенностью рекомендовалось бороться проповедями и личными беседами, приобщением народа к церковно-приходским библиотекам, целенаправленным просвещением родителей в делах воспитания детей и другими религиозными способами поднятия народного благочестия [4, с. 439–440].

Духовенство на Урале вынуждено было вести соответствующую работу с интеллигенцией, для которой конфликт между традиционными и новыми ценностями, религиозными взглядами

и научными представлениями был особенно актуальным. В Елабуге, например, с 1910 г. с разрешения архиепископа Филарета действовал комитет по устройству религиозно-нравственных и церковно-исторических чтений для интеллигенции. Его возглавлял инспектор Стахеевского епархиального женского училища священник Сергей Танаевский. К их организации привлекался хор в составе воспитанниц Стахеевского епархиального училища, диаконов, псаломщиков и любителей церковного пения под управлением члена комитета, псаломщика Елабужского Спасского собора Н. Дьяконова. Чтения устраивались в зале образцовой церковно-приходской школы. Они были направлены на поднятие нравственного уровня слушателей и по возможности должны были давать ответы на духовно-мировоззренческие вопросы современности.

Так, 12 декабря 1910 г. состоялось чтение, предложенное священником Николаевской церкви Елабуги А. Вечтомовым на тему: «О грехе и спасении», 19 декабря 1910 г. — преподавателем епархиального училища В. Головиным на тему: «Христианство и современная жизнь». В 1911 г. в период времени от Рождества Христова до Великого поста были проведены четыре мероприятия: 23 января — священником С. Танаевским на тему: «О счастье человеческом»; 30 января законоучителем реального училища и женской гимназии священником П. Дерновым на тему: «О графе Л. Н. Толстом, по поводу отзывов печати о нем», 6 февраля протоиереем Спасского собора М. Зосимовским на тему: «Забытый путь к познанию Бога»; 13 февраля — протоиереем женского монастыря И. Скарданицким на тему: «О правах человека, выражаемых словами: “братство, равенство и свобода”». В дни Великого поста были устроены соответствующие по тематике чтения: 27 февраля — преподавателем епархиального училища А. Неуныловым на тему: «Вера в ее отношении к мирозерцанию человека», 6 марта — священником Николаевской церкви А. Вечтомовым на тему: «Об идеале христианской жизни и о покаянии апостола Петра»; 13 марта — преподавателем епархиального училища А. Сергиевым на тему: «Библия, наука и вопрос о днях творения»; 20 марта священником приютской церкви А. Листовым на тему: «Почему

так много обрядов в православной церкви»; 27 марта преподавателем епархиального училища В. Егоровым на тему: «О двойственности человеческой природы»; 3 апреля священником Николаевской церкви А. Вечтомовым на тему: «Об отношении христианина к непонятым истинам Евангелия». Каждое чтение начиналось молитвой «Царю Небесный» и оканчивалось «Достойно есть». Очевидно, что потребность в таких культурно-просветительных мероприятиях была высока: «аудитория большею частью бывала переполнена, часто не хватало места всем желающим послушать», присутствовало от 200 до 350 слушателей, не считая воспитанниц училища, «порядок все время был образцовый». Чтения являлись «в высшей степени полезными и для воспитанниц трех старших классов епархиального училища», «посещая чтения, они имели возможность с большим удовольствием и пользою для себя прослушать ряд очень интересных, по их словам, чтений на богословско-философские темы» [4, с. 803–807].

Одной из самых актуальных тем для находящихся в поисках ориентиров и идеалов провинциалов являлся вопрос о взаимоотношении науки и веры. В одной из лекций, опубликованной в Екатеринбургских епархиальных ведомостях, современник стремился ответить на этот вопрос, полагая, что не наука формирует мировоззрение человека: «мировоззрение человека делает науку для одного безбожной, а для другого — религиозной» [6, с. 396]. Лектор задавал и отвечал на вопрос: «отвергает ли существование Бога истинная, беспристрастная наука в лице своих главных представителей или нет? Оказывается — нет». В доказательство он ссылался на представителей многих наук, включая одного из столпов естествознания: «Линней, например, окончив наблюдения над организацией растений, восклицает: “Вечный, беспредельный, всеведущий и всемогущий Бог прошел мимо меня”» [6, с. 396]. Лектор полагал, что верующий ученый не будет тормозить движение науки вперед: «Христианство не только не отвергает, но напротив рекомендует пытливость человеческого ума и такой ученый будет только осторожнее относиться к гипотезам и прежде, чем принять их, сравнит их и Божественными Откровениями, будучи уверен, что истина может быть только одна и она не может противоречить

Откровению, так как Бог, открывший истину в Откровении, не мог в творении сказать другое» [5, с. 434].

В размышлениях лектора звучал некоторый скепсис в отношении прогресса: «Правда, наука теперь сделала массу открытий и изобретений. Можно подумать, что мы двигаемся гигантскими шагами по пути прогресса, но при внимательном отношении к этим открытиям мы увидим, что они концентрируются на весьма небольшом районе — только около вещества и его проявлений» [5, с. 436]. Новые знания не давали, по его мнению, ответов на «коренные вопросы человека о смысле жизни, о сущности явлений и об условиях их возникновения» [5, с. 436]. На его взгляд, истинная наука должна «всеми мерами способствовать этому определению, охватывая все стороны человеческой жизни, все области знания в полном объеме, т. е. не только то, что содействует материальной культуре, улучшает и телесную жизнь, но и то, что содействует и моральной культуре, возвышает и облагораживает душу человека» [5, с. 433–434].

Очевидно, что в рассматриваемое время прогресс, связанный с вестернизацией, являлся культурно-мировоззренческим вызовом для россиян, включая жителей провинции, ответом на него было приобщение к передовым достижениям науки и благам научно-технического прогресса при осознании необходимости сохранения культурно-цивилизационных основ, базирующихся на идеалах православия. Данный процесс сопровождался социально-экономическими и социокультурными трансформациями в Уральском регионе, как и во всей стране, усилением социокультурного раскола уральского социума и очевидным разрывом в эволюции города и деревни.

Список литературы

1. В матушку-Москву. Вторая экскурсия воспитанниц Стахеевского епархиального женского училища летом 1910 года. (Продолжение) // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1910. 4 ноября. – № 44. – С. 1284–1285.
2. Ваганов А. А. Пермский научно-промышленный музей в дореволюционный период // Исторические издания: материалы I Междунар. науч.

конф. (г. Уфа, 2012. С. 28–34. URL: <http://moluch.ru/conf/hist/archive/54/2407> (дата обращения: 25.02.2021).

3. Вятские епархиальные ведомости. Неофф. отд. – 1911. 6 января. – № 1. – С. 5–8.

4. Заботы о поднятии нравов // Вятские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. – 1911. 19 мая. – № 20.

5. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофф. отдел. – 1915. 7 июня. – № 23.

6. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофф. отдел. – 1915. 24 мая. – № 21.

7. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. – Екатеринбург, 2008. – 289 с.

8. Краткий отчет научно-промышленного музея за 1916 год. – Пермь: Электро-тип. губернского земства, 1917. – 44 с.

9. Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого // URL: <http://mamin-sibiryak.lit-info.ru/mamin-sibiryak/proza/iz-dalekogo-proshlogo/knizhka.htm>.

10. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Зауралья до Волги // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. – Т. 4. – С. 375–376.

11. Очерки русской культуры XIX века. – Т. 2. Власть и культура. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 480 с.

12. Пирогова Е. П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1989. – 236 с.

13. Рукосуев Е. Ю. Владимир Павлович Бирюков в 1917 году // XXII Бирюковские чтения. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуманист.-пед. ун-та, 2019. С. 22–24.

14. Рукосуев Е. Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности: Автореф. ... дисс. докт. ист. наук. — Екатеринбург, 2013. — 54 с.

15. Шумкина Т. Г. (Екатеринбург) Журнал «Уральский техник» как источник по истории индустриального развития горнозаводского Урала в начале XX в. // URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1446/47.pdf> (дата обращения: 25.02.2021).